ПОЛУНОЧНАЯ БАЛЛАДА

Качаются лапы прибрежных лесов,
По заводям прячется рыба.
На сердце – тоски полуночной засов,
Бессонницы смертная дыба.

Торопятся страхи, как мыши на сыр,
Как княжьи клевреты на вече.
Как воронов вещие стаи на пир
Остывшей к полуночи сечи.

И жёлтые – светятся волчьи глаза.
Сверкают зелёные – рысьи.
Закатною кровью набухла слеза
Росы,
окольчужившей листья…

Над Северским знамя полощет Донцом
И чёрного солнца верига.
И в небо глядит побледневшим лицом
Бесстрашный и доблестный Игорь.

Затмение тенью легло на траву.
Слетаются тучами враны…
Но целит стрела, растянув тетиву,
В полночные ворога станы.

И топчутся кони, уздами звеня.
Великое кажется малым.
Чтоб звенел над встревоженной крепью,
Пригибая к земле ковыли.
И летела над лесом и степью
Неизбывная песнь о любви…

Волос сед, но не дрогнули руки.
Ухвативши за повод коня.
Где-то сзади отставшие внуки
«Воротись!» – окликали меня.

«Желторотые, что вы галдите,
Как птенцы, средь развесистых крон.
К самой первой, единственной – Гите,
Я в Смоленск – на последний поклон»…

Жизнь порою покажется сказкой.
Распахнёт лебедицы крыла.
Ах, какою же стройной и баской
Англосаксов принцесса была!

И какая же только путина,
Занесла её в древнюю Русь?..
Родила богатырского сына.
Разделила княжения груз.

И дрожали скуластые ханы.
Побросав многочисленных жён.
Если я в полуночные станы
Лез с дружиною, как на рожон.

Что грешны мы,
и летний окончился день.
Что немчинские ветры летят из-за моря.
И легла на полмира от месяца тень.
Полумесяца – странам
славянским на горе.

Убери свои косы под тёмный платок,
Если я не вернусь к тебе ранней весною.
Слышишь, конница скачет, тяжёл её скок.
Это – наши готовятся к смертному бою.

Нас немного, доживших
до славных седин,
Кто в преданиях правнукам
правду расскажет.
Пусть за мною встаёт
твой единственный сын.
Мой – единственный, сгинул
в полуночной страже.

Непогожий октябрь вздымает крыла.
И как стрелы остры первозимья метели.
Я хочу, чтобы ты до весны дожила.
Ратоборцы рождаются в светлом апреле.

III. НА ПРОМЁРЗШЕЙ ТВЕРДИ

Всё пройдёт, когда рухнут снега:
И печаль, и тоска, и тревога.

Заскрежещет в протоках шуга,
И покроет вода берега,
И утонет в разливах дорога.

И весна величаво придёт,
Постучит в крестовину оконца.
И закончит в свой срок перелёт
Белый лебедь, спустившись на лёд,
Исчезающий в мареве солнца.

И крылатой мечтой обуян,
Укрываясь средь духов древлянства,
Буду мукой весеннею пьян,
Посреди заповедных полян,
Где когда-то рождалось славянство!

Пережить эту зиму суметь,
Не поддавшись матёрому страху.
И как пращур, отринувший смерть,
Крепко встать на промёрзшую твердь,
Подпоясав льняную рубаху.

МАЙСКАЯ БАЛЛАДА

За ветром взывают мечи…
Александр Блок

По травам,
пока не белёсым
От утренней зябкой росы,
Бреду по пологим откосам,
А вслед – заливаются псы.

Бросаются – дело не дело,
По следу печали спеша…
Но шаг не прибавило тело,
Пока каменела душа.

И полнилась знанием вещим,
Пришедшим из тёмных веков.
И воронов стаи зловеще
Терзали небесный покров.

И граяли, точно с досады
Упорного в Вере кляня…
Но только у самой ограды
Оставили силы меня.

Я знаю,
что майские смуты –
Страшнее январской пурги.
И вплоть до последней минуты
Неведомы будут враги –

Семь смертных грехов
на потребу
Кому-то
сокрыли мечи…
Они – вопиющие к небу,
Пребудут твои палачи.

Последняя гаснет зарница.
В полях расточается мгла.
И только открыта страница
В углу, где лампада светла.

И скоропись полуустава,
Вещает дрожаньем руки,
Что сбита набегом застава…
А дальше – обрыв у строки.

Конец заполошного мая
Слезами дожди окропят.
Арбы и повозки Мамая
По пыльным дорогам скрипят.

И встать на путях его – лучше,
Чем мышью таиться в углу…
Стрелец –
неприкаянный лучник,
Я к бою готовлю стрелу!

И что мне за дело, что кто-то
Поднимет отчаянный плач,
И выбежит вслед – за ворота
На тракт,
где охрипший трубач

Сыграл.
И дорожные клёны,
Прощаясь, не прячут печаль.
Но реют по ветру знамёна,
И плещет в оконницы сталь!

И маяться мороком мая
Нам всем суждено по делам
Тщету и печаль принимая
С надеждою – напополам!

Славянский цикл

Андрей ШАЦКОВ

И с честью погибнуть за други своя
Не страшно ему под Каялом.

Не страшно… Осталась докука одна,
Которая горами движет:
Как встретит разлуку с мил-другом жена,
Кто «Слово» в Путивль ей напишет

И будет полуночный длиться правёж
Души,
до рассветного часа.
Покуда молочным туманом на рожь
Опружится месяца чаша.

И тиной затянутся Вия глаза
В бездонной трясине болота,
Когда прозвучат петухов голоса
И вспыхнет крестов позолота,

И степь заалеет стеною щитов,
И двинутся русские рати.
И «Слово» про Игоря – главным из слов
Пребудет в Руси вековати!

СЛАВЯНСКИЙ ТРИПТИХ

I. «ПОУЧЕНИЕ» О ЛЮБВИ

«Поучение Владимира Мономаха» –
литературный памятник XII века,
написанный великим князем
Владимиром Мономахом.
Без любви – не закроется рана.
Без любви – не наступит весна.
Жизнь грустна, как дуа из Корана,
Как акафист о скорби – грустна.

Долгожители, что в вашей доле,
Если солнце идёт на закат?
Если вашей утраченной воли
Не хватает на грома раскат,

А при встречах – горели ланиты,
И шептали с любовью уста,
Имя северной женщины – Гиты,
Чьих волос – не белей береста…

Но кончается путь Мономаха.
У подножья простого креста.
Где над памятью горького праха
Асфоделью цветёт красота.

И болит незажившая рана.
И белеет рубец средь седин…
Но стрелой в половецкого врана
Метит князя Владимира сын!

За щитом Мономахова рода
Русь растит боевое жнивьё!..
И под куполом ясного свода
Кружит лебедем имя ЕЁ!

II ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНИНА

Вот и август прошёл,
и сентябрь настал,
Приближается бабьего лета кончина.
И в бездонные воды,
как в чёрный хрусталь,
Замирая, глядится лесная лещина.

Ты возьмёшь мою руку
и спросишь: «Зачем
Всё кончается,
осень горька, как оскома?».
И кровавое солнце упало, как шлем,
Перерубленный наполы
грохотом грома.

Что отвечу, скажу, что зимы не боюсь,
Если сердце объято любови пожаром.
Чернотропом хазарины ходят на Русь,
И лукавый пути указует татарам.

В руки взял автомат,
Ношу нашей Державы
Взял на плечи солдат.
Небо в тучах дымилось,
Дым валил через лес.
И казалось: он вырос
От земли до небес.
Запад веял бедою.
Шёл солдат воевать,
Заслонивши собою
Нашу Родину-мать.

* * *

Вас Европа на пир пригласила
И велела отречься от русских,
Но беда: рассказать позабыла,
Что нужны вы ей в виде закуски.
Вы – еда на столе европейцев
Для её сатанинской гулянки.
Для бжезинских, рокфеллеров, гейтсов
Вы индейцы на празднике янки.

Сергей КОМОВ

Мы тяготы мира взвалили на плечи

ОКОПНЫЕ СВЕЧИ

Если спросишь меня:
«Чем живёшь, человече?»,
Я отвечу: «По долгу, а не за рубли
Заливаю, готовлю окопные свечи,
Чтоб солдаты на фронте
согреться могли».
Шлют солдатам носилки,
подсумки, подарки,
Ну, а я у плиты ворожу у свечи:
Парафин, стеарин да свечные огарки
Из церквей, где молитвы сейчас горячи.

Этот малый мой труд
не исчезнет задаром,
Он вплетается нитью в Победу страны.
Впереди – под Артёмовском и Соледаром
На кровавую сечу уходят сыны.

Не напрасно Снежаны, Натальи, Татьяны
В эту горькую зиму ворожат у свеч.
Так – сердца матерей
сквозь снега и бураны
Согревают детей, чтобы их уберечь.
Они все нам теперь, эти дети, родные –
И Шамиль, и Иван, и Бато, и Сергей.
Это всё необъятная наша Россия
Дружной ратью восходит к Победе своей.

АНГЕЛЫ ТЫЛА

Когда бы не свечи окопные эти,
Ну, что бы я смог разглядеть из окна!
А здесь я увидел в сияющем свете –
Живёт и воюет родная страна.
Как будто бы я заглянул в зазеркалье.
Здесь после работы, как воин в строю,
Дизайнер Татьяна и доктор Наталья
Привносят посильную лепту свою.
Добра и доверья царит атмосфера,
Здесь сброшены маски, навязчивый лоск.
Сплотила в Победу всесильная вера.
И льётся по формам
расплавленный воск.
Какие у женщин красивые лица!
Нездешним сияньем их лик освещён.
Такие я видел – приходят молиться,
С зажжённой свечою стоят у икон.

Работаем, братья и сёстры! Мы – сила!
Пусть знают солдаты, идущие в бой,
Что верные, добрые ангелы тыла
Стоят за спиною и ждут их домой!

ЯНЫЧАРЫ

Вас Запад кормил, как овчарку с руки,
Он гладил по шерсти, он вас приручал.
И жирные вам предлагая куски,
Он вырастил верных себе янычар.
Он вырвал последние всходы любви,
Он вытравил память, он злобу взрастил,
И наше по крови родство обнулив,
Умело на братьев своих натравил.
– Ату! – и помчалась вовсю круговерть.
Кого на «гиляку», кого на ножи.
И западный ветер, посеявший смерть,
Убогость заблудшей души обнажил.

И вот вы пошли, обезумев, ва-банк.
И коли родство вам по крови не в счёт,
Ну, что ж, возвращается ваш бумеранг:
Кто ветер посеял, тот бурю пожнёт.

ДОЛГИ

Слишком много мы взяли взаймы
У дедов – и Победу и память.
Ну, а сами-то, что можем мы,
Коль душой не кривить, не лукавить?
Где страна, что оставил мне дед? –
Я как Муромец дрых в избушонке,
Глаз продрал, а страны уже нет –
Только ветер сквозящий в душонке.
С той поры мне не мил белый свет.
Злая совесть меня одолела.
И ворчит беспокойный мой дед
В каждом сне: «Вы дошли до предела!».

Знать, пора нам вернуть все долги!
Обрести человечье обличье,
Чтоб узнали друзья и враги
Не былое, а наше величье.

УКРАИНА

Ты Запад, «пришедший
в ночи, словно тать»,
Встречала в объятья наивно.
Сергея Бодрова люблю вспоминать:
– В чём правда твоя, Украина?!
Не в том, чтоб больнее родное предать?
Отречься от братьев и веры?
И нечисти чёрную почесть воздать
Шухевичу, Липе, Бандере?

А Гоголь народ свой узнал без прикрас,
Он гнал малороссийские страхи.
И спросит страну свою Бульба Тарас:
– Ну что, помогли тебе ляхи?
Там Гоголь увидел сгустившийся мрак,
Гонцов инфернального мира,
Как в корчах и визгах сбивались в косяк
Над бедною «ненькой» вампиры.
Поганая нечисть заполнила шлях.
И Гоголь, увидевший Вия,
Воскликнул, целуя Распятье в слезах:
– Спасение миру – Россия!

* * *

Шёл мальчишка из дома,
Невысок, угловат.
Он дорогой знакомой
Уходил на закат.
Где разрывы грохочут,
Как гроза или гром,
Где заря кровоточит
В чёрном небе степном.
Он рукою шершавой
Эта вечная спесь «бледнолицых»:
Ловля рыбы, где мутные воды,
Чтобы шут, изощрённый убийца,
Правил так, как велят кукловоды.

Значит, время – взвалить это бремя,
Стать единым стальным монолитом,
Необъятное русское племя
В мощь единую будет отлито.

В ГОСПИТАЛЕ

Стоим перед ребятами:
Кто ранен, кто без ног.
Стихами, как заплатами,
Латаем душ ожог.
Они – немногословные.
Открытые глаза.
Здесь главное условие:
Кривить душой нельзя!

И в их глаза открытые
Нам тяжело смотреть –
Живые, неубитые,
Они видали смерть.
Их привезли со Сватово –
Одиннадцать ребят –
Вчера там смерть проклятая
Пометила солдат.

Они, войной пропахшие,
Во снах уходят в бой.
Война, их побратавшая,
Дала им позывной.
«Кулик» взорвался в Марьинке.
Он плакать не привык.
– Как жизнь твоя?
– Нормальная! –
Встречал меня «Кулик».

И две недели светлые
Он был мне, как родня.
Он на судьбу не сетовал
И тем учил меня!
Уроки жизнестойкости
Он мне преподавал –
В нём не было жестокости,
«Кулик» её не знал.

И было в том величие.
Без всяких показух.
И наше в том отличие
И крепкий русский дух!

СТРАНА

Нас не расстреливали «тройки»,
Не гнали к Колыме в мороз.
Страну пустили в «перестройку»,
Как бронепоезд под откос.

Я был тогда со всеми вместе
Страны обычный рядовой,
Брал на себя её бесчестье –
На всех хватило нам с лихвой!
Кто в землю лёг, кто спился с горя,
Кто сдался и залез в петлю,
А я дерусь ещё и спорю,
До смерти родину люблю.
Да, не взаимно. Безответно.
И не надеясь ни на что.
Как старый воин беззаветно,
Шинель сменивший на пальто.

* * *

Мы уходили от войны,
Терпели всё покорно.
Внесли в историю страны
Мы ряд страниц позорных.
Тут янков спесь, их волчья сыть,
Их неуёмный голос.
Нас обучал, как нужно жить
Американец Сорос.

Висела жизнь на волоске
Под русским небом мглистым.
Вещали в каждом закутке
Мормоны, адвентисты.
Была бедовая пора
Пещерных девяностых.
Варили суп из топора
И был нерусским воздух.

Весь этот хаос, беспредел
Вторгался в наши души.
За нас страдал, за нас краснел
Наш русский гений Пушкин.
Страна стояла на краю.
И боль великороссов
Брал на себя и шёл в строю
Великий Ломоносов.

Сыны России всех времён,
Подвижники по духу,
Небесный русский пантеон
Нас вёл через разруху.
Я ощущаю их хребтом,
Я их дыханье чую.
И что мы живы, вижу в том
Заслугу их большую.

МОИ СТИХИ

Когда-то стихи прилетали, как птицы,
Кормились с руки, щебетали весь вечер.
И сердцу хотелось счастливому биться.
Тогда щебетал я на птичьем наречье.

Потом без страны я остался, как нищий,
И Муза ходила за мной оборванкой,
На сердце не рубчики были – рубчищи,
И были стихи, как слепые подранки.

Кто Родину любит –
теперь как солдаты.
Мы тяготы мира взвалили на плечи.
Горячее сердце колотит набатом,
Стихи превратились в окопные свечи.

Анатолий АВРУТИН

Птица русского слова

Поэма

1
Лампа коптит… Тень из угла…
Мамина ласка…
В гемоглобин с детства вошла
Русская сказка.

Как от неё сердцу тепло
Ночью суровой!..
Сказка… А с ней в сердце вошло
Русское слово.

Слово поёт… С ним по утрам
Встать интересней.
Включишь с утра радио… Там
Русская песня.

Чуть подпоёшь… Выпьешь вина…
Вот и не люто.
Только б не знать,
как же страшна
Русская смута!

Не виноват? – Казнь без вины,
Бой до победы…
Боже ты мой, как же страшны
Русские беды!

Бой отгремит, боль отойдёт…
Вновь, без опаски,
Чей-то малец на ночь прочтёт
Русскую сказку…

2
Вновь пламень и пепел…
Не выйти из сечи,
Где вражий клинок
тебе целит в живот.
Но отзвуки русской
спасительной речи
Доходят до сердца
с загробных высот.

Напрасное время…
Тоска и усталость,
И некому нас от беды уберечь.
Почти ничего-то
у нас не осталось –
Одна лишь великая русская речь.

По-русски хрипящие, снова и снова
Встают, чтобы с Пушкиным
рядом стоять.
И тупятся сабли о русское слово,
И враг по своим начинает стрелять.

Пусть вороны гибель
им злобно пророчат! –
По-русски умея сносить неуют,
По-русски рыдают,
по-русски хохочут,
По-русски победные песни поют…

Потомки опричнины и Пугачёва
Взошли из земли,
чтобы в землю и лечь.
Лишь только бы слышалось
русское слово!
А дальше?.. А дальше
хоть голову с плеч…

3
Всем ведомо – в начале было слово,
И лишь потом вселенский гул возник.
Но слово то – всему первооснова:
И замыслу, что дерзок и велик,
И царскому высокому указу,
И записям немого чернеца,
Что начертал единственную фразу,
Не описав сраженья до конца…
В том слове русском,
слове исполинском,
Смешалось всё –
молитвы горький ком,
Истошный стон
на поле Бородинском,
Истошный вой на озере Чудском…
То слово и казнило, и прощало,
С ним лёд под крестоносцами трещал.
И было в слове – Родины начало,
А Родина – начало всех начал.
Вобрало слово первое признанье,
Последний гвоздь
из смертного креста…
«Не укради!..» –
начертано в «Писанье…»
И «Не убий!..» – ответствуют уста…
Всё молвлено…
И всё вокруг не ново.
Как в чёрный омут канули века.
Но если есть и Родина, и Слово,
То есть и дом…
И память… И строка…

4
Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота… Только снова
Белоснежным крылом
ослепляет глаза
Птица русского слова.

А казалось – Батыи
всех чёрных эпох
Закопытили ширь, затоптали.
Знали, слово – основа,
за слово – под вздох,
Пусть подохнут в печали…

Только в келье строчил
неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу…
Чтоб взмыла сквозь страх
Птица русского слова.

Тяжелы были мысли…
И жить – тяжело.
Жалкий лучик
пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз
за деревья зашло…
Он писал, яснолицый…

Выцветали чернила,
болело в груди.
Кровью харкал… Знал – нету другого.
И молился, и Бога просил – огради
Птицу русского слова…

Горизонт непонятным
свеченьем объят.
На Руси, под гортанные крики,
Нынче русские русским
по-русски велят
Знать другие языки…

5
Не умею сказать по-французски
Ни «природа», ни «блузка»,
ни «лес»…
У француженок яркие блузки,
Видел всяких – и в блузках, и без…

Всё блуждается в том, полудетском
Восприятье… Что Бог триедин
Не умею сказать на немецком,
Хоть мы некогда брали Берлин.

Не умеешь… Не знаешь…
Не видишь…
О, словесности водораздел!
Ни иврит мне неведом, ни идиш,
И английского не одолел.

Всё на русском… Конечно же, плохо
Помнить лишь «камарад» и «капут»!
Но когда озверела эпоха,
Только крикни: «Ура!»… И поймут…

6
Все ничейно… Поля? – Вот те на…
А по-русски выходит «поляна».
И высокое слово «страна»
На две трети читается «рана».

Сердце Родины. Ширь да подзол.
Хоть в «подзоле» всё чудится злое.
Это кто к нам с небес снизошёл?
«Снизу шёл»… Остальное пустое…

Всё рыдали княжны в теремах,
Расшивали рубакам рубаху.
Ох, Владимир ты свет Мономах,
Что ж преемники дали-то маху?

Сколько взгляд ни мечи из-под век –
Лишь устанут набрякшие веки,
А тут всё не поймешь – «человек»:
О челе или, может, о веке?

Так вот, мучась, уйдём навсегда
В мир, где больше ни боли, ни бреда.
Помня – русское слово «беда»
Всё ж две трети от слова «победа».

7
Сын русского слова,
внук русской словесности,
Мне русская мука – молочная мать…
Зубами скриплю,
угасая в безвестности,
Словами давлюсь, не умея смолчать.
Где нету моста, прошагаю по жёрдочке,
Где птицы умолкнут, там я запою…
Словцо нацарапав
на треснувшей форточке,
Гвоздём начинаю поэму свою.

По-русски сомненьями
тягостно мучиться,
От русской печали хватив «первача».
…И кто там бредёт, будто хворая утица,
Крыло, что сломали, едва волоча?
А кто там поёт, как свирель одинокая,
По-русски тоску вознося в небеса,
То «акая», то умилительно «окая»,
Немного по-скифски прищурив глаза?

А это Отчизною мучиться велено
Тому, кто по-русски поёт о Руси.
И русская музыка, русским навеяна,
Всё стонет, веля – ни о чём не проси!
И я не прошу…
Ничего, что попрошено,
Ни счастья не даст,
не спасёт в свой черёд.
В сугроб упаду…
И пусть русской порошею
Безвестный мой след
навсегда заметёт…

ВДАЛИ ОТ РОССИИ

Вдали от России непросто быть русским поэтом,
Непросто Россию вдали от России беречь.
Быть крови нерусской… И русским являться при этом,
Катая под горлом великую русскую речь.

Вдали от России и птицы летят по-другому –
Еще одиноче безрадостно тающий клин…
Вдали от России труднее дороженька к дому
Среди потемневших, среди поседевших долин.

Вдали от России… Да что там – вдали от России,
Когда ты душою порой вдалеке от себя…
Дожди моросили… Дожди, вы у нас не спросили,
Как жить вдалеке от России, Россию любя?..

Вдали от России круты и пологие спуски,
Глухи алтари, сколь ни падай в смятении ниц.
Но крикни: «Россия»… И эхо ответит по-русски,
Ведь русское эхо нерусских не знает границ…

* * *

Если вдруг на чужбину
заставит собраться беда,
Запихну в чемодан,
к паре галстуков, туфлям и пледу,
Томик Блока, Ахматову… Вспомню у двери: «Ах, да…
Надо ж Библию взять…». Захвачу и поеду, поеду.

Если скажут в вагоне, что больно объемист багаж
И что нужно уменьшить поклажу нехитрую эту,
Завяжу в узелок пестрый галстук, простой карандаш,
Томик Блока и Библию – что еще нужно поэту?

Ну а если и снова заметят, что лишнего взял:
«Книги лучше оставить…
На этом закончим беседу…».
Молча выйду из поезда, молча вернусь на вокзал,
Сяду с Блоком и Библией… И никуда не поеду.